

ПРИБАВЛЕНІЯ

КЪ ИЗДАШЮ ТВОРЕНІИ

СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ,

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ.

ЧАСТЬ ОСНАДЦАТАЯ.

МОСКВА.

Въ типографіи В. Готье.

1859.

РУССКІЕ ВЪ БУХАРИИ И ВЪ КИТАѢ.

РАЗСКАЗЪ МѢЩАНИНА П. У. ИНОКУ ПАРФЕННО ВЪ ТОМСКѢ,
ВЪ 1851 ГОДУ.

Съ малыхъ лѣтъ я родителями отданъ въ услуженіе въ городъ Семипалатинскъ, къ купцу, который нанималъ Бухарца учить меня говорить по-бухарски; и такимъ образомъ я съ малыхъ лѣтъ узналъ киргизскій и бухарскій языкъ. Многократно ѣздилъ я торговать по киргизскимъ степямъ, подъ видомъ Татарина, голову брилъ и одежду носилъ татарскую, и говорилъ по-киргизски и по-бухарски, такъ что никто не узнавалъ, что я Русскій. Потомъ трижды отправлялъ меня хозяинъ торговать въ Бухарию, въ города Куканию и Ташкинию, въ которыхъ я познакомился со многими Русскими, ходилъ къ нимъ въ дома, и они, какъ родные, были ласковы, но говорили больше по-бухарски, чтобы и жены ихъ понимали. Ходилъ къ нимъ и въ молитвенные дома, и молился съ ними. Они пѣли и читали весьма хорошо, только не имѣють священника, о чемъ весьма соболъзнуютъ. Они поручили мнѣ привезти для нихъ изъ Россіи книгъ и иконъ. По возвращеніи въ Россію, бывъ на ярманкахъ Макарьевской и Ирбитской,

я купилъ книгъ и иконъ, и паки отправился въ Бухарию; и я уже прѣхалъ, какъ къ роднымъ.

Въ 1842-мъ году паки отправился я въ Бухарию, и какъ въ Куканинъ товаръ весь непроданъ, то отправились въ Ташкинiю, и тамъ нашелъ Русскихъ, около 200 семействъ, и гостилъ у нихъ въ двухъ городахъ. Но какъ и здѣсь товаръ не проданъ, то вмѣстѣ съ Бухарцами и Ташкинцами отправились мы въ Китайское царство, и ѣхали на верблюдахъ 30 дней, путемъ труднымъ, потому что песковъ много, а воды мало. Прѣхали въ китайскiй городъ, въ Малую или Новую Кульджу, и стояли внѣ города на гостинномъ дворѣ, но въ день по городу ходить не возбраняется. Здѣсь торговали очень хорошо, но я видѣлъ только Китайцевъ. Потомъ чрезъ Бухарию возвратились въ Россiю.

Въ 1844-мъ году мой хозяинъ съ прочими наложилъ товаръ на двѣ тысячи верблюдовъ и захотѣлъ отправить ихъ прямо въ Китай, въ городъ Кульджу. У нашего хозяина въ караванъ прикащиковъ было только двое Русскихъ; прочiе все были Татары; но и тотъ мой другъ и товарищъ, Русскiй, на половинѣ пути померъ, и много предъ смертiю плакалъ, что умираетъ посреди степи безъ священника и безъ причастiя, и мы со слезами его похоронили. Ѣхали мы изъ Семипалатинска до Кульджи три мѣсяца, такъ медленно, потому что много гнали барановъ въ Китай. На китайской границѣ насъ и весь товаръ нашъ перенесли и дали провожатаго. Отсюда ѣхали еще 10 дней землею калмыцкою, потомъ выѣхали на большую дорогу, которая идетъ изъ Пекина въ Кульджу. Прибывъ къ Кульджѣ, остано-

вились на полъ, пока начальники взяли пошлину, десятину; потомъ вошли въ загородный гостинный дворъ, и разставивъ свои кочевья юрты, на подобіе калмыцкихъ кибитокъ, начали торговать. Въ одинъ день прихожу я въ свою юрту, вижу сидитъ въ ней китайскій купецъ, изъ города. Поздоровавшись съ нимъ я спросилъ, знаетъ ли онъ говорить бухарски? Онъ отвѣчалъ, что знаетъ. Я приказалъ подать чубукъ съ табакомъ, но онъ сказалъ: не употребляю. Удивляясь этому, я спросилъ: почему? ваши Китайцы все охотники до чубука? Но онъ отвѣтилъ: кто какъ хочетъ; кто охотникъ, а кто и нѣтъ. Потомъ я приказалъ подать чаю, и между собою мы много разговаривали о торговыхъ дѣлахъ. Между разговорами онъ сказалъ мнѣ: я признаю, что ты долженъ быть не Бухарецъ, и не Татаринъ, а другаго рода; должно быть, ты Русской. Я спросилъ: почему же ты меня такимъ признаешь? Онъ отвѣчалъ: потому что и лице твое отмѣнно, и обхожденіе твое ласковое, да и сердце мое что-то тебя очень полюбило. Я ему сказалъ: напрасно ты такъ о мнѣ думаешь; я чистой Татаринъ. А что лице мое и обхожденіе отмѣнны, то и у васъ не у всѣхъ одно лице и одно обхожденіе. Я не хотѣлъ объявить себя Русскимъ, опасаясь, что когда узнаютъ, что я Русскій, то выгонятъ весь караванъ. Онъ же отвѣчалъ: точно есть всякіе люди; только ты не Татаринъ. Откройся мнѣ чистосердечно: ибо я самъ Русскій, или, по крайней мѣрѣ, отъ русскаго племени произошелъ. Я спросилъ: почему же ты Русскій? ты чистый Китаецъ. Онъ отвѣчалъ: точно я теперь Китаецъ, но предки наши

были взяты въ плѣнъ изъ Россіи и отведены въ Пекинъ, а потомъ дѣда моего сослали сюда, и отецъ мой и я уже здѣсь родились. — Я спросилъ: какъ же вы молитесь? Онъ перекрестился, но только не такъ, какъ Русскій, а прежде положилъ на лѣвое плечо. Я замѣтилъ, что Русскіе не такъ молятся. Но онъ отвѣчалъ: здѣсь мы все уже позабыли. Потомъ началъ пристально просить, чтобы я ему открылся, кто я такой. Видя, что онъ точно изъ Русскихъ, я объявилъ, что я чистый Русскій и исповѣдую истинную христіанскую вѣру. Услышавъ это, онъ вдругъ вскочилъ и бросился мнѣ на шею; слезы и прежде катились по лицу его, теперь онъ горько заплакалъ, такъ что омочилъ меня слезами, и держалъ меня въ объятіяхъ болѣе часа, рыдая и непрестанно повторяя: блаженны очи мои, что я увидѣлъ русскаго челоуѣка. Потомъ исполнившись радости великой, началъ меня цѣловать въ уста, цѣловать мои руки, и называлъ меня своимъ братомъ. Это былъ челоуѣкъ молодой, не болѣе 30 лѣтъ. Онъ просидѣлъ у меня въ юртѣ до самаго вечера, доколь не дали знать вѣстовою пушкою, что время заперать градскія ворота. Въ разговорахъ онъ спрашивалъ о Россіи и о русской вѣрѣ. Я рассказывалъ ему, какія у насъ церкви и монастыри, какіе священники и архіереи, и какое у нихъ облаченіе; говорилъ о крещеніи и обо всемъ, чтò зналъ: а онъ, слушая, непрестанно плакалъ и на завтра просилъ меня къ себѣ въ домъ. На другой день весьма рано, только что отворили градскія ворота, онъ самъ пріѣхалъ къ моей юртѣ на конѣ верхомъ, а другаго коня при-

вель для меня, и просилъ ѣхать къ нему. Я взялъ нѣсколько малыхъ подарковъ его женѣ и дѣтямъ, и мы отправились. Жена его, уже предъувѣдомленная о моемъ прибытіи, выбѣжала къ воротамъ, сняла меня съ коня, цѣловала мои руки, и сама отъ радости плакала, а когда вошли мы въ домъ, четверо дѣтей кланялись въ ноги, цѣловали мои руки, и всѣ сѣли на коврѣ подлѣ меня; два мальчика и двѣ дѣвочки непрестанно смотрѣли мнѣ въ глаза. Началось угощеніе: жена приготовила въ китайскомъ вкусѣ свинины, пельменей и прочаго, и просила, чтобы я кушалъ не опасаясь, что это они сами кололи, а мы, говорили они, и сами заколотого КитаЙцами не ѣдимъ. Потомъ хозяинъ повѣстилъ и прочихъ, такъ называемыхъ ими, Русскихъ, и они всѣ сбѣжались, и много, смотря на меня, удивлялись и плакали. Мужчины почти всѣ знаютъ говорить по-бухарски, и обо всемъ меня спрашивали, а жены и дѣти непрестанно ихъ останавливали, и они имъ пересказывали по-китайски. Они читали по-китайски Символь вѣры, т. е. *вѣрую во единого*, и *Отче нашъ*, и переводили мнѣ по-татарски: все это было сходно съ тѣмъ, что у насъ. Такъ мы провели много дней, бывая то у того, то у другаго, и только разлучались на ночь. Всѣ говорили мнѣ со слезами: какъ намъ быть? не имѣемъ ни священника, ни крещенія, ни церкви: какъ же спасемъ? Конечно мы вѣруемъ въ Господа Иисуса Христа, и почитаемъ его святое возстаніе изъ мертвыхъ: но ничего болѣе не знаемъ. И желаемъ знать болѣе, но не кому насъ научить. Если бы было можно, то всѣ мы бѣжали бы въ

Россію, оставивъ своихъ женъ и дѣтей и дома. Но это не возможно. На сихъ годахъ бѣжали двое изъ нашихъ, и думали, не проберутся ли какъ нибудь въ Россію, но ихъ въ калмыцкой степи поймали, и предали мучительной смерти. А съ Пекиномъ имѣть сношенія также не возможно, по великой отдаленности, по трудности пути и по здѣшнимъ законамъ. Жены и дѣти ихъ также плачутъ и просятъ: не оставляйте насъ, приведите и насъ къ своему Богу. Я отвѣчалъ имъ: молитесь Богу; можетъ быть Господь Богъ и вамъ приведетъ имѣть своего священника и церковь. На это они мнѣ сказали: точно, Китайцы хотя и знаютъ, что мы не поклоняемся ихъ идоламъ, и женамъ своимъ не велимъ ходить въ кумирницы, но они противъ этого намъ ничего не говорятъ, потому что и сами многіе идутъ въ магометанство, въ Старой Кульджѣ самый первый богачъ пошелъ въ магометанство, да и здѣсь есть такіе. И намъ бы очень можно было выстроить здѣсь свою церковь, если бы только былъ у насъ свой пастырь и учитель.

Потомъ ѣздили мы и въ Старую Кульджу къ Русскимъ: и тамъ были намъ рады. Старая Кульджа отъ Новой отстоитъ на 30 верстъ. Въ Новой Кульджѣ 8 домовъ русскихъ, а въ Старой 7. Все Русскіе здѣсь богатые купцы и живутъ весьма исправно: имѣютъ хорошіе дома и сады.

Ѣздили мы въ одинъ садъ, отстоящій отъ Новой Кульджи верстъ на 20. Хозяинъ его также Русскій и весьма богатый человекъ. Садъ этотъ весьма обширенъ. Въ немъ множество разныхъ деревь чайныхъ, яблоней, дуль и винныхъ ягодъ,

а болѣе всего винограда. Между прочимъ хозяинъ показывалъ намъ малину, и говорилъ, что нашелъ ее въ лѣсу; и вотъ уже три года, какъ посадилъ ее въ саду, но до нынѣ не знаетъ, что это за ягода. Я сказалъ, что это ягода русская, называется малина, и онъ назвалъ ее малиной. Подлѣ сада протекаетъ рѣка Илья, въ ней водится много рыбы. Я спросилъ: почему же вы ее не ловите? а онъ отвѣчалъ: какъ ее поймать? Я съѣздивъ въ свою юрту, взялъ бредень и прїѣхавъ, наловилъ рыбы: язей и окуней, и сварилъ имъ уху.

Такъ провелъ я въ Кульджѣ три мѣсяца. Гости здѣсь у Русскихъ, я научилъ ихъ только молиться Богу, а болѣе ничего не могъ имъ сообщить, потому что и самъ еще почти ничего не зналъ, ибо книгъ духовныхъ не читалъ, а съ малыхъ лѣтъ находился у хозяина по торговлѣ. Окончивъ свои торговыя дѣла съ успѣхомъ, я возвратился въ Россію въ Семипалатинскъ.

Въ 1845 году опять я отправился въ Китай и прибылъ въ Кульджу. Мой названный братъ уже встрѣтилъ меня съ виноградомъ, верстъ за 30, и увидѣвъ меня, много отъ радости плакалъ. Въ этотъ разъ прожилъ я въ Кульджѣ 11 мѣсяцевъ. Когда пришло 25 число декабря, я объявилъ всѣмъ Русскимъ, что въ этотъ день празднуется Христово Рождество. Они сдѣлали великій праздникъ, на который и меня пригласили, и записали на будущее время, чтобы это число на всегда было у нихъ праздникомъ.

Въ 1846 году товаръ снова пришелъ въ Кульджу, но во время торговли получили мы непріятное

извѣстіе, что на нашей дорогѣ, въ киргизской степи, собралась шайка разбойниковъ, до 5000 человекъ, подъ предводительствомъ атамана Султана Каннисара. Мы весьма этого испугались: и я опасаясь, что всѣхъ насъ убьютъ, а товаръ отберутъ на всегда, простился съ возлюбленнымъ братомъ своимъ и съ прочими Китайцами, именующими себя Русскими. Я имъ сказалъ, что хотя и живъ буду отъ разбойниковъ, но уже не прѣйду болѣе въ Китай. Они весьма сожалѣли о разлукѣ со мною, какъ съ роднымъ сыномъ, и мы со слезами распростились другъ съ другомъ на всегда.

Въ Новой Кульджѣ жителей тысячъ до 100, а въ Старой вдвое больше: Русскихъ же только до 50 человекъ. Но и Китайцы мнѣ полюбились: народъ умный и разсудительный, и весьма любопытный, разговорчивый и гостеприимный; поэтому есть надежда, что если бы они увидали наши церкви и обряды, то многіе пожелали бы креститься.

Благодареніе Господу, въ степи мы избавились отъ опасности. Этому немало благопріятствовалъ и слухъ, что изъ Семиалатинска выслали намъ казаковъ для охраненія, и мы прѣехали въ Россію благополучно. Но я уже больше не захотѣлъ отправляться за границу, потому что очень много видѣлъ страха; посему расчитался съ хозяиномъ и прѣехалъ въ Томскъ. Теперь, какъ веженатый, имѣю намѣреніе оставить все, и идти въ монастырь, но не знаю, какъ Господь устроитъ мои дѣла. Однако скажу тебѣ, что еслибы поѣхалъ какой священникъ, или если бы ты отправился въ Китай и въ Бухарію, то я посвятилъ бы этому дѣлу жизнь

свою и поѣхалъ туда за послушника и переводчика , ибо мнѣ весьма полюбилась та страна , и языкъ знаю , и люди всѣ знакомые. Но , какъ Господь устроитъ.

По полученіи изложенныхъ свѣдѣній, Высокопреосвященнѣйшимъ Филаретомъ Митрополитомъ Московскимъ сдѣлано было по сему предмету сношеніе съ бывшимъ тогда Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, и собираемы были справки объ инокъ Пароеніѣ; но дѣло, по неизвѣстнымъ обстоятельствамъ, дальнѣйшихъ послѣдствій не имѣло.
